

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-945-961

EDN: CFWDXG

УДК 811.161.1:008:811.111'25:512.122

Научная статья / Research article

Роль русского языка и культуры в опосредованном переводе с английского языка на казахский

Л.Ю. Мирзоева¹ , А.К. Жумабекова² ,
Р.А. Досмаханова³ , К.О. Ажиев³

¹Университет СДУ, Каскелен, Республика Казахстан

²Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

³Алматинский университет энергетики и связи им. Гумарбека Даукеева, Алматы, Республика Казахстан

dosmakhanova@mail.ru

Аннотация. Одним из основополагающих тезисов современной теории перевода является положение о том, что в процесс перевода включаются по меньшей мере два языка и две лингвокультуры. В Казахстане же ситуация в сфере перевода весьма своеобразна: достаточно часто при переводе с казахского на английский и наоборот по многим причинам (в том числе — и ввиду сложившейся традиции казахско-русского/русско-казахского перевода) русский язык выполнял роль языка-посредника. Значителен вклад русской культуры как культуры-посредника в процесс воссоздания английских текстов на казахском языке, что обусловлено особым статусом русского языка и культуры в Казахстане: русский стал вторым языком для большинства казахов; русский язык и культура воспринимались ими как близкие, родственные, выполняли роль «культурного моста» между источником и адресатом, азиатской и европейской культурами, особенно в процессе перевода с английского на казахский. В рамках такого подхода использование русских версий английских художественных текстов в качестве источника представляется естественным как с лингвистической, так и с лингвокультурной точки зрения; поэтому данный аспект функционирования русского языка и культуры в Казахстане следует рассматривать как одну из моделей его реализации в процессе перевода; в статье представлена модель взаимодействия казахской, русской и английской культур. Таким образом, изучение особенностей непрямого перевода с английского на казахский через русский язык и возникающих при этом лингвокультурных сдвигов обуславливает актуальность нашего исследования. В процессе исследования нами был использован качественный метод, представленный такими видами аналитических процедур, как предпереводческий анализ, лингвокультурная интерпретация текстов.

Ключевые слова: не прямой перевод, язык-источник, язык-посредник, переводящая культура, культура-посредник, язык-рецептор, принимающая культура

© Мирзоева Л.Ю., Жумабекова А.К., Досмаханова Р.А., Ажиев К.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: *Мирзоева Л.Ю., Жумабекова А.К., Досмаханова Р.А., Ажиев К.О.* Роль русского языка и культуры в опосредованном переводе с английского языка на казахский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 945–961. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-945-961>

Russian Language and Culture in Indirect Translation from English into Kazakh

Leila Yu. Mirzoyeva¹ , Aigul K. Zhumabekova² ,
Raikul A. Dosmakhanova³ , Kanat O. Azhiev³

¹Suleyman Demirel University, *Kasselen, the Republic of Kazakhstan*

²Kazakh National Pedagogical University named after Abay, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*

³Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after Gumarbek Daukeev, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*

 dosmakhanova@mail.ru

Abstract. Typically, translation process involves two languages and two lingua-cultural traditions. In Kazakhstan, the situation in the field of literary translation is really specific: it is an indisputable fact that in translation from Kazakh into English and vice versa, Russian language works as a mediator due to the long-standing tradition of Kazakh-Russian/Russian-Kazakh translation; so, an intermediary role of Russian culture for rendering English texts into Kazakh is self-evident. Historically, Russian has become the second language for most of the Kazakh people; as a result, Russian language and culture are perceived as connatural phenomena as well as an important source for getting information. Moreover, Russian language and culture work as a cultural bridge between source (European) and target (Asian) cultures, particularly in course of translating from English into Kazakh. Therefore, the mediating role in indirect translation should be considered as one of Russian language functions; the authors developed a model of interaction between English, Russian, and Kazakh cultures in the process of indirect translation. So, the main peculiar features of indirect translation from English into Kazakh via Russian and corresponding cultural implications are considered the topical **object** of our research; the appropriate qualitative method represented by pre-translation text analysis, lingua-cultural interpretation of the texts has been used.

Keywords: indirect translation, source language, source culture, mediating language, mediating culture, target language, target culture

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Mirzoyeva, L.Yu., Zhumabekova, A.K., Dosmakhanova, R.A., & Azhiev, K.O. (2025). Russian Language and Culture in Indirect Translation from English into Kazakh. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 945–961. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-945-961>

Введение

В исследованиях, посвященных непрямому переводу, отмечается, что опосредованный перевод — явление достаточно типичное, уходящее корнями вглубь веков; как феномен, он существует начиная с глубокой древности вплоть до настоящего времени; взаимодействие источника, посредника и рецептора могло быть преднамеренным и ограничиваться определенными временными рамками, т.е. текст-посредник и текст-рецептор могли относиться к одной и той же эпохе, либо быть непреднамеренным, последовательно осуществляемым сотрудничеством [1. С. 335]. В Казахстане языковая ситуация характеризуется особой спецификой: в процесс перевода с казахского языка на английский и наоборот русский язык оказывается вовлеченным как язык-посредник. Существует множество условий, предопределивших эту ситуацию, и одно из важнейших — существование сформировавшейся традиции русско-казахского/казахско-русского перевода. Необходимо отметить значительный вклад русской культуры как культуры-посредника в процесс воссоздания английского текста на казахском языке. Это, в свою очередь, основано на специфическом статусе русского языка и культуры в Казахстане в течение многовековой истории языкового взаимодействия, и в особенности — языковой ситуации, сложившейся в XX—XXI вв., которая не могла не оказать влияние на ситуацию в сфере перевода. Так, согласно результатам социолингвистического исследования С.В. Дмитриюка, «для казахской этнической группы русский язык по-прежнему остается важным средством приобщения к русской и мировой культуре» [2].

Анализируя современные принципы языковой политики, Э.Д. Сулейменова подчеркивает, что государственные программы функционирования и развития языков (1998; 2001; 2011) построены с соблюдением «функционального принципа формирования лингвистического поля в республике», предполагающего наряду с расширением и укреплением социально-коммуникативных функций государственного языка сохранение общекультурных функций русского языка» [3. С. 7]. Русская культура воспринималась в Казахстане как родственная и близкая ввиду использования русского языка как второго большинством казахов; поэтому русский язык мог выполнять и функцию проводника иной, европейской культуры, мыслимой как внеположенный феномен; русский язык и культура рассматривались и как один из источников получения малодоступной информации.

С другой стороны, Ю. Найда утверждал, что разница между культурами может обусловить гораздо более серьезные трудности для переводчика, чем разница в структуре языков [4. С. 130]; в отношении непрямого перевода это утверждение приобретает особую методологическую значимость.

Исходя из вышесказанного, в **цели** настоящей работы входит определение влияния русского переводного текста как текста-посредника в процессе непрямого перевода, на конечный продукт, т.е. текст-рецептор на казахском

языке. В качестве **материала** исследования нами избраны русская и казахская версии трагедии У. Шекспира «Гамлет» (перевод Б. Пастернака и Х. Ергалиева, соответственно), поскольку текст-источник является одним из ключевых для переводящей культуры; следовательно, его воссоздание в русской переводческой традиции и последующее восприятие русской версии как текста-посредника при переводе на казахский язык значимо не просто как факт перевода литературного шедевра, но и как трансфер эксплицитно представленной и имплицитно заложенной в тексте информации, имеющей мировоззренческую, идеологическую, культурную, социальную значимость.

Материал и методологические принципы исследования

L. Venuti отмечает, что статус национального языка и культуры одновременно предполагается и создается посредством перевода. Если же стратегия является сугубо национально ориентированной, перевод имплицитно подчеркивает невозможность ограничиваться национальными рамками [5. С. 178]. Безусловно, данное положение, и в особенности — акцент на невозможности ограничиться сугубо национальными рамками в ходе процесса перевода, свидетельствует о том, что тенденция к вовлечению сразу нескольких языков в данный процесс является одной из ведущих, особенно на современном этапе его развития. В то же время само понятие непрямого перевода до сих пор является дискуссионным; так, согласно положениям, выдвинутым G. Toury [6], существуют определенные нормы, регулирующие процесс непрямого перевода; таким образом, перевод такого рода в определенной мере допустим в подсистеме литературных текстов. Если же взять за отправную точку теорию полисистем [7], то, согласно ей, не прямой перевод часто представлен в слабых полисистемах, которые зависят от других, более сильных систем, в особенности — в отношении литературных моделей и прецедентных феноменов. M. Shuttleworth, M. Cowie отмечают также, что отношение к не прямому переводу является скорее отрицательным; так, они указывают, что в Найробийской декларации говорится: прибегать к нему следует только в случае крайней необходимости [8. С. 76]. Утверждается также, что не прямой перевод — это стратегия, используемая переводчиком при решении дилеммы между необходимостью предоставить языковой аудитории, воспринимающей текст, доступ к аутентичному значению оригинала и стремлением донести информацию настолько ясно, насколько это возможно [9. С. 177]. Не прямой перевод, как правило, расширяет и разъясняет исходный текст, так что содержащаяся в нем имплицитная информация, которая легко извлекается носителями языка оригинала в исходном контексте, предусмотренном автором текста оригинала, будет в равной степени доступна носителям языка перевода.

В ряде современных исследований, посвященных потерям в процессе непрямого перевода, говорится также о проблеме размывания важного

культурного значения¹. При этом утверждается, что наиболее типичной тенденцией непрямого перевода является утрата затекстовой, а также культурно нагруженной, культурно специфичной информации [10. С. 5]. Терминология в сфере транслятологии, связанной с исследованием непрямого перевода, не является устоявшейся; так, например, I. Ivaska & L. Ivaska оперируют терминами *Ultimate source/Ultimate target language* (букв: абсолютный язык-источник/рецептор), отмечая, что текстов-посредников при непрямом переводе может быть и несколько, что вызывает необходимость их идентификации и определения степени влияния на текст-рецептор [11. С. 372]. В нашем случае данная методологическая проблема не является одной из ключевых, поскольку все переменные, о которых говорится в данной работе, известны; ключевой проблемой для нас является определение степени и характера влияния текста-посредника на текст-рецептор. Поэтому мы акцентировали внимание прежде всего на тех текстуально актуализированных элементах, функция и коннотации которых в тексте-источнике сопряжены с проблемой перевода и воссоздания в тексте-рецепторе; в большинстве случаев, эта проблема является результатом отсутствия данных элементов либо интертекстуальных явлений в культурной системе читателей текста-рецептора [12. С. 58].

Отметим также, что настоящее исследование имеет преимущественно эмпирический характер; значимость данного подхода для работ в сфере переводоведения была определена А. Chesterman [13], который указывал, что именно с помощью данного подхода можно верифицировать гипотезу и что именно эмпирический подход делает возможным создание типологии переводов, а также определение причин и следствий тех или иных переводческих решений [14]. Помимо этого, в качестве одной из методологических основ нами были использованы положения Н.К. Гарбовского о том, что суть перевода отражает «идею порождения вторичных языковых структур на основе первичных», а также о создании виртуального объекта в процессе переводческой деятельности (в приложении к процессу непрямого перевода) [15. С. 364]. На данной основе мы предприняли попытку построить модели взаимодействия трех языков — источника, посредника и рецептора — в процессе непрямого художественного перевода с учетом специфики собственно языковой и лингвокультурологической компетенции переводчика, работающего в среде, где функционируют как язык-рецептор (казахский), так и язык-посредник (русский).

В этой связи представляется необходимым также обратиться к положению относительно языковых контактов, выдвинутому У.М. Бактигереевой и О.А. Валиковой и имеющему непосредственное отношение к построению

¹ Lost in Indirect Translation — Researchers Tackle Problems of Indirect Translation. 2019. Режим доступа: https://www.tcd.ie/news_events/articles/lost-in-indirect-translation--researchers-tackle-problems-of-indirect-translation/ (дата обращения: 15.10.2023).

моделей непрямого перевода вообще и непрямого перевода в рамках избранной нами языковой триады — в частности: «...в эпоху активно моделируемого глобального социума дополнительный импульс для ее (языковой системы) развития дают языковые контакты. В их процессе происходит не только глубинная перестройка языковых уровней, но и зарождение новых «образов мира» [16]. Все сказанное выше определяет также выбор методики качественного анализа, поскольку мы имеем дело не со статистикой, а с уникальными случаями, слабо поддающимися формализации.

В ходе исследования нами был использован метод компаративного анализа, основанного на таких приемах, как предпереводческий анализ текста, его лингвокультурная интерпретация и пр. Выбор метода анализа обусловлен именно опорой на языковые ситуации, связанные с процессом перевода и с теми функциями, которые выполнял русский язык в качестве посредника в ходе воссоздания английского художественного текста на казахском языке через его русскую версию. Поэтому наша классификация построена с учетом лингвокультурологической и переводоведческой, в том числе — трансформационной методики анализа. В то же время при категоризации материала мы акцентировали внимание на различных аспектах и ситуациях, отражающих влияние языка и культуры-посредника на процесс и результат перевода.

В качестве материала для исследования был избран знаковый, символический уже не только для английской, но и для русской культуры текст трагедии В. Шекспира «Гамлет»²; корреспондирующие тексты русской версии (Б. Пастернак)³ и казахского перевода (Х. Ергалиев)⁴.

Результаты исследования: модели взаимодействия языков в процессе непрямого художественного перевода (триада английский-русский-казахский языки)

На основании избранного нами подхода становится возможным объяснить, почему современные казахские переводчики зачастую выбирают русские версии английских художественных текстов в качестве источника для своей деятельности как с точки зрения культуры, так и с точки зрения языка; поэтому мы можем рассматривать этот аспект русского языка и культуры как один из важнейших при построении модели его функционирования в Казахстане. Общеизвестно, что советская школа перевода достигла наибольших результатов в сфере художественной литературы; так, переводы Б. Пастернака считаются одними из лучших, поскольку реципиент-переводчик, прекрасно зная особенности английского языка и культуры, с тонкостью большого русского

² *Shakespeare W.* The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark. Сибирское университетское издательство, 2008.

³ *Шекспир У.* Гамлет, принц датский. Пер. Б. Пастернака. М. : Искусство, 2006.

⁴ *Ергалиев Х.* Гамлет. Аударма // Шекспир У. Отелло. Асауға тұсау. Гамлет. Ромео мен Джульетта. Король Лир. Сонеттер. Астана : Аударма, 2004. С. 232–361.

художника передал их для читателя. Мы же имеем дело со своеобразной ситуацией: русский язык и культура в Казахстане совмещают в себе характеристики как переводящей, так и принимающей культуры, что обусловлено именно посреднической функцией в процессе перевода. Следовательно, модель вышеуказанного взаимодействия между русской, казахской и английской культурами может быть представлена следующим образом (см. Рис. 1):

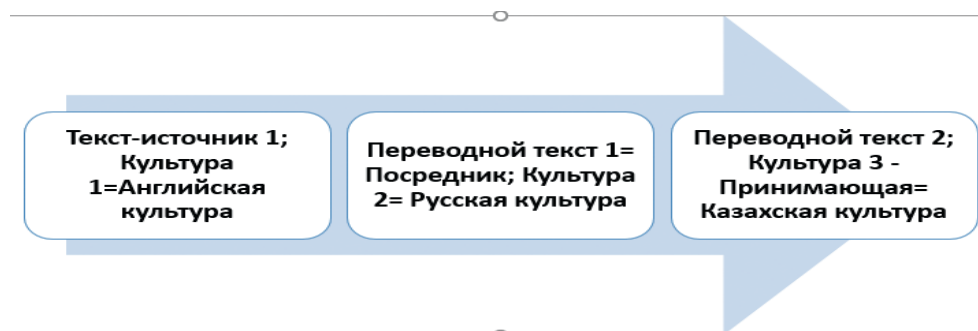

Рис. 1. Модель взаимодействия переводящей культуры, культуры-посредника и принимающей культуры

Источник: составлено Л.Ю. Мирзоевой, А.К. Жумабековой, Р.А. Досмахановой, К.О. Ажиевым.

Fig. 1. The model of interaction between source, intermediary and target cultures

Source: compiled by Leila Yu. Mirzoyeva, Aigul K. Zhumabekova, Raikul A. Dosmakhanova, & Kanat O. Azhiev.

Сфера художественного перевода, в особенности в тех случаях, когда речь идет о воссоздании знаковых для культуры текстов, многопланова и многослойна; она отражает разные ситуации контактирования языков; причем модель языкового взаимодействия в подобных описываемому нами случаях усложняется за счет фактора непрямого перевода. Как утверждает J. Boase-Beier, если уже переведенный текст будет заново переведен, то первичный акт перевода не может не оказать влияния на вторичный [17. С. 5].

Воссоздание вещного мира «Гамлета» в казахском переводе: влияние русского языка и культуры

В рамках декларируемого нами подхода наиболее типичными являются приведенные ниже результаты воздействия языка и культуры-посредника (русского) на текст, сформированный на языке-рецепторе (казахском) и восприятие тех отклонений от оригинала, которые возникли в ходе воссоздания текста на языке-посреднике. По нашему мнению, эта ситуация является наиболее типичной и широко представленной в тексте перевода шекспировской трагедии. Количественные характеристики будут представлены нами ниже; здесь же обратимся к сопоставительному анализу оригинала, русской версии и перевода на казахский язык. Для наглядности сопоставления нами во всех нижеприведенных случаях приводится также обратный подстрочный перевод с казахского на русский язык. Ср.:

(1) <i>Оригинал</i> ⁵	<i>Текст-посредник</i> ⁶	<i>Текст-рецепт</i> ⁷
<i>Speak of it! Stay, and speak!- Stop it, Marcellus! Mar.</i>	<i>Марцелл, Держи его! Марцелл.</i>	<i>Марцелл, Ұста ананы! Марцелл.</i>
<i>Shall I strike at it with my partisan?</i>	<i>Ударить алебардой?</i>	<i>Айбалтамен ұрсам ше?</i>

Вещный мир шекспировской трагедии, таким образом, подвергается изменению как в русском переводе, так и в казахской версии: из перевода исчезает вид копья с плоским наконечником — *протазан*, старинное оружие, отражающее эпоху создания текста; он заменен более понятным и приближенным аналогом — *алебарда* в русском переводе. Алебарда, в отличие от протазана, широко использовалась в русской армии вплоть до конца XVIII в. (в особенности как знак отличия) и являлась колюще-режущим оружием; протазан же был только колющим оружием (поэтому в другом русском переводе, выполненном А. Полевым, Горацио призывает Марцелла не *бить*, а *колоть*). В казахском тексте отмечаем оригинальный вид национальной адаптации вещного мира шекспировской трагедии к мировосприятию казахского читателя, осуществленный через посредство русского текста. *Айбалта* — среднеазиатский боевой топор с лезвием, напоминающим полумесяц, и обухом⁸.

Безусловно, нельзя утверждать, что переводчик всегда следует за русской версией; проблема нестыковки и несоответствия вещного мира казахской и русской культур также имеет место. Так, если шекспировский Полоний использует *season* (*приправить*), а в русском тексте под влиянием европейской культуры появляется четко воспринимаемый реципиентом *соус* (также проникший в язык вследствие европеизации жизненного уклада), то у переводчика на казахский язык нет ни возможности, ни необходимости следовать как оригиналу, так и русской версии текста: казахи не использовали приправ (*Нәшін тауып айта білсең болғаны*).

Адаптация на основе текста-посредника очевидна и в случае, когда реальность, представленная в тексте оригинала, в равной мере нехарактерна и для языка-посредника, и для языка-рецептора. Так, рассуждая о бренности человеческого тела при виде выброшенного из могилы черепа шута Йорика, в основу сравнения, которое низводит часть тела до уровня вещи, Гамлетом положена игра в *кегли* (*loggats*); о том, что реальность так и осталась в значительной степени чуждой русскому языковому сознанию, свидетельствуют

⁵ *Shakespeare W.* The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark. Сибирское университетское издательство, 2008.

⁶ *Шекспир У.* Гамлет, принц датский. Пер. Б. Пастернака. М. : Искусство, 2006.

⁷ *Ергалиев Х.* Гамлет. Аударма // Шекспир У. Отелло. Асауға тұсау. Гамлет. Ромео мен Джульетта. Король Лир. Сонеттер. Астана : Аударма, 2004. С. 232—361.

⁸ *Трубников Б.Г.* Большой словарь оружия. М. : АСТ. Режим доступа: http://sprvka.ru/b-a-_g-a-_t-r-u-b-n-i-k-o-v-a/-_35/a-j-b-a-l-t-a-.html (дата обращения 15.10.2023).

данные Национального корпуса русского языка⁹ (10 вхождений, содержащих данное слово; все они извлечены из переводных текстов; примечательно и авторство — Дж. Р.Р. Толкин, Дж. Роулинг, А. Линдгрэн и пр.; лишь 2 вхождения — это тексты, продуцируемые носителями русского языка). Аналогичная ситуация наблюдается и в Алматинском корпусе казахского языка¹⁰, где данная реалия не представлена. Казахское *асық* (национальная игра с надпяточными суставными костями овец) в точности соответствует русской реалии — *игре в бабки*; следует отметить, что переводчики акцентируют внимание на том, что это именно *человеческие кости*. Детализация такого рода придает сцене еще более сюрреалистический и циничный характер, поскольку для казахской культуры не характерны ни мениппея как насмешка над смертью, ни предопределенное таким подходом пренебрежительное отношение к останкам:

(2) <i>Did these bones cost no more the breeding, but to play at loggats with 'em? mine ache to think on't.</i>	<i>Стоило ли растить эти кости, чтобы потом играть ими в бабки? Мои начинают ныть при мысли об этом.</i>	<i>Адамды асық қылып ойнау үшін өсірудің керегі не? Осы бір ой менің сай сүйегімді сырқыратып жіберді.</i>
---	--	--

Таким образом, русский язык как язык-посредник оказывает значительное влияние на воссоздание явлений вещного мира, реалий, в переводе на язык-рецептор, во многом благодаря длительным контактам русского и казахского языков.

Явления ментальной и духовной сферы в казахской версии «Гамлета»

Передача явлений ментальной и духовной сферы в казахской версии «Гамлета» может считаться наиболее трудной для воссоздания областью; сюда мы включаем понятия, связанные с особенностями национального мировосприятия. Так, в частности, к числу явлений ментальной и духовной сферы, которые являются источником переводческих трудностей, нами отнесены понятия из области веры и религии, ряд мистических представлений и др. Непрямой же характер перевода зачастую предполагает контаминацию понятий и явлений, ср.:

(3) <i>I shall th' effect of this good lesson keep As watchman to my heart. But, good my brother, Do not as some ungracious pastors do...</i>	<i>Офелия Но, милый брат, Не поступай со мной, как лживый пастырь,</i>	<i>Ағатай, тек жалған айтқыш сопыдай Алдай көрме.</i>
---	--	---

⁹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/search> (дата обращения 15.10.2023).

¹⁰ Алматинский корпус казахского языка. Режим доступа: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.10.2023).

Пастор — понятие из сферы духовной жизни (ср., например, дефиницию, представленную в Oxford online dictionary, а также синонимический ряд, все члены которого имеют клерикальный характер и связаны исключительно со сферой религии и богослужения; точный аналог в русском языке — протестантский священник¹¹; понятие было генерализовано в переводе Б. Пастернака (Пáстырь, пастыря, муж. 1. Пастух (книжн. церк., поэт. устар.) 2. Священник, руководитель паствы (церк.)¹². В казахском варианте мы встречаемся с адаптацией, которая принимает во внимание специфику представления понятия в тексте-посреднике: *сопы (суфий)* — соответствует прямому значению слова *пастырь* весьма приблизительно (т.к. реальным проповедником у мусульман является мулла, суфий же является скорее «просветленным», мистиком, живущим по принципам покаяния и самоотречения): *Анығы — Лубсан Данзан заманының оқымысты кісісі, сары дін жолында сопы — лама болса керек*. В дословном переводе: *Ясно только, что Лубсан Данзан был образованным человеком своего времени, суфийем-ламой по религиозным убеждениям*. Однако при употреблении *сопы* в ироничном значении *святоша* (лживый святоша) представления, отраженные в тексте-рецепторе, получают весьма близкими как к тексту-посреднику, так и к оригиналу. Возможно говорить и о прецедентных знаниях, закрепленных в значимых для казахской культуры текстах и характеризующихся четко выраженными оценочными ориентациями, а именно, связью с негативной зоной шкалы оценок (ср. знаковый текст Ш. Кудайбердиева: «Посмотрите на мулл и суфи. Ежедневно творящие пятикратный намаз, прикрываясь Кораном, они в то же время бессовестно обманывают и обирают народ. В чем их святость?»).

Пронизывающая оригинал «Гамлета» мистика и таинственность задается с первых же строк, с появления на сцене призрака; в оригинале номинации, сопровождающие мистического персонажа, — это *Ghost*, *Fantasy* и *Illusion* (последнее употреблено в единственном случае — в речи Горацио, который пытается остановить призрака). Что касается перевода на русский язык как текста-посредника, там, соответственно, наблюдается использование номинаций *Призрак/Наваждение*, а также сложного понятия *игра воображения*; в казахском же тексте как в тексте-рецепторе, происходит национальная адаптация ментального конструкта. Так, когда речь идет об обобщенном понятии, о *Призраке* «вообще», то в речи персонажей (стражей Бернардо и Марцелла, а также друга Гамлета Горацио) наблюдается нейтральное и генерализованное *елес (призрак)*, ср.:

¹¹ Москвин А.Г. Большой словарь иностранных слов. М. : Центрполиграф, 2007.

¹² Толковый словарь Д.Н. Ушакова. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod=198> (дата обращения: 15.10.2023).

(4) <i>How now, Horatio! you tremble and look pale: Is not this something more than fantasy?</i>	Ну что, Гораций? Полно трепетать. Одна ли тут игра воображенья?	Кәне, бұл не, Горацио? Былшыыл дерсіз. Елес пе екен ойдан шыққан ойнақы?
--	---	--

Когда же необходимо подчеркнуть магическую, волшебную природу, употребленное в оригинале *Illusion* воссоздано в русском тексте как *наваждение*, в казахском же отмечается компенсация при помощи эпитета (*сиқырлы* — волшебный, магический):

(5) <i>I'll cross it, though it blast me. Stay, illusion! If thou hast any sound, or use of voice...</i>	Но тише! Вот, ой, вновь! Остановлю Любой ценой. Ни с места, наваждение!	Ақырын! Әне, тағы сол! Қайтсем-дағы Тоқтатамын. Қозғалма, сиқыр елес!
--	--	--

В то же время в казахском варианте появляется оттенок, не свойственный ни тексту-источнику, ни тексту-посреднику, а именно: если речь идет о данном, конкретном призраке отца Гамлета, покойном короле, переводчик целенаправленно выбирает слово *Әруақ* (буквально: *дух предка*), эксплицируя то, что в английском и русском тексте выражалось имплицитно и подчеркивая тем самым духовную связь *Призрака* и протагониста шекспировской пьесы. Именно это слово функционирует в казахской версии «Гамлета» (количество словоупотреблений в тексте — 35).

Отметим также, что в казахской версии «Гамлета» отмечено употребление лексемы *рух* в качестве аналога к *духу/spirit*:

(6) <i>Angels and ministers of grace defend us! Be thou a spirit of health or goblin damn'd...</i>	Святители небесные, спасите! Благой ли дух ты, или ангел зла...	Уа, ғарыштағы қасиеттілер, сақтай ғөр! <i>Шапағатты рухпысың, әзірейілмісің әлде сен...</i>
--	---	--

Однако данная триада *spirit/дух/рух* в тексте-источнике, тексте-посреднике и тексте-рецепторе соответственно нацелена на экспликацию практически идентичных семантических и прагматических компонентов значения: *дух* в противовес телу, облеченному во плоть.

Эмотивная сторона текста-рецептора также находится под очевидным влиянием русской культуры и русского языка, выполняющих посредническую функцию: так, отражение эмоционального состояния в облике призрака рисуется в оригинале просто противопоставлением цвета (*бледен/красен*). В русской версии появляется объяснение причины — особого эмоционального состояния (*красен от волненья*), а также эмотивно окрашенное сравнение *бел, как снег* (а не просто *очень бледен*), что, на наш взгляд, можно объяснить большей степенью эмоциональности русской культуры как культуры принимающей (при осуществлении перевода с английского

языка). В плане эмотивного потенциала текст-рецептор — казахский вариант шекспировской трагедии — в полной мере соответствует тональности, заданной в тексте-посреднике:

(7) Hamlet	Гамлет	Гамлет. Құп-қу ма әлде
<i>Pale or red?</i>	<i>Он был бледен</i>	<i>Қобалжудан қызыл бар</i>
<i>Horatio</i>	<i>Иль красен от волнения?</i>	<i>ма бетінде?</i>
<i>Nay, very pale.</i>	Горацио	Горацио.
	<i>Бел, как снег</i>	Әппақ қардай

Непрямой перевод оказывает влияние также на восприятие ключевых мировоззренческих концептов; так, в казахском языке и в казахской культуре нет персонификации смерти, она не имеет облика. Для казахской культуры не характерно и травестированное восприятие смерти, в казахском языке нет ее эвфемистических обозначений. Поэтому переводчик персонифицирует текст, вводя образ конкретного человека и используя кальку (курносый/короткий, вздернутый нос):

(8) Hamlet. Why, e'en so: and	Гамлет. Да, вот именно.	Гамлет. Иә, солай, солай...
<i>now my Lady Worm's...</i>	<i>А теперь он угодил</i>	Енді мұрны мырық...
	к Курносой	

Ср. также перевод М. Лозинского, который структурно ближе к оригинальному тексту: *Вот именно; а теперь это — государыня моя Гниль, без челюсти, и ее стучает по крышке заступ могильщика*. Важно отметить, что у Б. Пастернака присутствует добавление как стратегия перевода: в оригинале череп выступает как персонифицированная смерть, и неважно, что череп принадлежит мужчине (Lady Worm's буквально *госпожа червей*), тогда как в переводе Б. Пастернака *Йорик угодил к Курносой*.

Компаративный анализ текста-оригинала, текста-посредника и текста-рецептора дает возможность сделать вывод о том, что взаимодействие оригинала, текста-посредника и текста-рецептора определяет восприятие ключевых мировоззренческих концептов, в том числе — явлений духовной жизни, религии и веры.

Отражение явлений социальной сферы в оригинальном тексте и проблемы их воссоздания в непрямом переводе

Сопоставление текстов оригинала, русской версии и непрямого перевода на казахский язык позволяет также выявить ряд феноменов социальной сферы, обозначения которых подверглись трансформации в переводе на русский язык и, соответственно, нашли схожее отражение в казахской версии шекспировской трагедии. Одной из ярких иллюстраций данного тезиса является сравнение фрагментов диалога могильщиков в тексте оригинала, а также в тексте на языке-посреднике и языке-рецепторе:

(9) <i>Second Clown.</i> <i>Will you ha' the truth on't?</i> <i>If this had not been</i> <i>a gentlewoman, she should</i> <i>have been buried out o'</i> <i>Christian burial.</i> <i>...the more pity that</i> <i>great folk should have</i> <i>countenance in this world to</i> <i>drown or hang themselves ...</i>	<i>Второй могильщик. Хочешь</i> <i>знать правду? Не будь</i> <i>она дворянкой, не видать</i> <i>бы ей христианского</i> <i>погребения.</i> <i>Первый могильщик. ...</i> <i>Чистая публика топись</i> <i>и вешайся, сколько душе</i> <i>угодно...</i>	<i>Екінші қабірші. Саған керегі</i> <i>шындық па? Егер бұл өзі</i> <i>дворянның қызы болмаса,</i> <i>христианша жерленудің</i> <i>қарасын да көре алмас еді.</i> <i>Бірінші қабірші. ...</i> <i>Бекзаттардың суға батам</i> <i>десе де, дарға асылам десе де...</i>
--	---	---

В то же время приведенный выше контекст демонстрирует некоторые расхождения между оригиналом, текстом-посредником и текстом-рецептором относительно социальных маркеров. В частности, фраза весьма широкой семантики *great folk* трансформируется в русской версии трагедии в ироничную ФЕ *чистая публика*, тогда как избранная Х. Ергалиевым лексема *бекзат* означает не только ‘аристократ’, но и ‘благородный (поведением, обликом)’.

Очевидно влияние русского текста-посредника на текст-рецептор в случае с передачей шекспировских *clowns* при помощи русского *могильщика*, которому в казахской версии «Гамлета» соответствует *қабірші*. На наш взгляд, *Clowns*, которые в ряде исследований воспринимаются как шуты низшего порядка, представляют собой одно из «темных мест» трагедии, поскольку неясно, почему именно они выполняют роль могильщиков.

Помимо этого, важно отметить заострение социального аспекта как в русской, так и в казахской версии текста: если в оригинале *If this had not been a **gentlewoman*** (т.е. *девушка, имеющая хорошее происхождение*), то в русской версии переводчиком избран национально специфичный аналог *дворянка* (*Не будь она **дворянкой**, не видать бы ей христианского погребения*), который был употреблен и в казахском тексте как заимствование из русского языка, полностью освоенное казахским языком. О том, что лексема *дворянин* была воспринята казахским языком, свидетельствует фиксация 3 вхождений в Алматинском корпусе казахского языка; ср., например: *Хат не жайында? әрине, **дворян** тәрбиесімен өскен Неплюев біреудің хатын ашып оқудан аулақ еді...*¹³.

Вышеприведенные случаи подтверждают, что именно текст-посредник дает возможность адаптации явлений социальной сферы к мировосприятию носителей языка-рецептора.

¹³ Алматинский корпус казахского языка. Режим доступа: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.10.2023).

Дискуссия

Основываясь на проведенном выше анализе фактического материала, представляется логичным схематизировать влияние русской версии «Гамлета» (перевод Б. Пастернака), или текста-посредника, на текст-рецептор (перевод на казахский язык, осуществленный Х. Ергалиевым) в виде следующей модели (Рис. 2):

Рис. 2. Уровни влияния языка-посредника на процесс и результат перевода
 Источник: составлено Л.Ю. Мирзоевой, А.К. Жумабековой, Р.А. Досмахановой, К.О. Ажиевым.

Fig. 2. Strata of intermediary language influence on translation process and result.
 Source: compiled by Leila Yu. Mirzoyeva, Aigul K. Zhumabekova, Raikul A. Dosmakhanova, & Kanat O. Azhiev.

Предметный уровень предполагает отображение в казахской версии «Гамлета» вещной сферы оригинала (под влиянием либо вопреки влиянию культуры, языка и текста-посредника) либо отсутствие такого отображения; ментальный уровень соотносится с теми трансформациями понятий духовной сферы, которые также обусловлены непрямым характером перевода и воздействием посредника; социальный уровень представляет собой репрезентацию статусных характеристик, социальных страт и интеракций персонажей с учетом социальных факторов.

В тоже время мы можем представить модель влияния текста-посредника на текст-рецептор и в плане подразделения информации на когнитивную и эмотивную:

Если принять во внимание анализ процентного соотношения случаев влияния текста-посредника на текст-рецептор, то его результаты свидетельствуют о том, что наиболее сильным является влияние русского языка как языка-посредника на текст, сформировавшийся в языке-рецепторе, именно в ментальной и духовной сфере: из 126 выявленных нами случаев 44 (34,9 %) такого влияния приходится на предметный уровень, 51 случай (40,5 %) — на ментальную и духовную сферу, и, наконец, 31 текстовый фрагмент (24,6 %), выявленный нами в ходе сопоставительного анализа, отражает явления социальной сферы.

Приведенная здесь диаграмма демонстрирует многостороннюю роль как текста-посредника, так и в целом русского языка и культуры для воссоздания знакового текста на языке-рецепторе; не случайным представляется также

преобладание именно явлений ментальной и духовной сферы ввиду их сложности и многоплановости. Безусловно, невозможно говорить о точном совпадении как самих явлений, представленных в тексте-посреднике и в тексте-рецепторе, так и о восприятии их носителями казахского и русского языков; тем не менее, именно описанная выше роль русского языка как языка-посредника позволила приблизить текст-рецептор к тексту оригинала. Использование разнообразных переводческих стратегий также во многом определено характером взаимодействия текста-посредника и текста-рецептора.

Заключение

Таким образом, построение моделей взаимодействия языка и культуры оригинала, языка и культуры-посредника и языка и культуры-рецептора представляют собой значительное поле не только для исследований в сфере художественного перевода, но и в рамках изучения функционирования языка, имеющего особый статус (а именно таков статус русского языка в Казахстане). Посредническая функция русского языка в процессе непрямого перевода остается в настоящее время практически неисследованной, в связи с чем авторами предпринята попытка заполнить данную лакуну. Нами рассмотрены функции языка-посредника, выполняемые им при воссоздании сложной структуры текста оригинала, с одной стороны, и формировании основы для текста на языке-рецепторе. Сложное взаимодействие трех языков и трех культур, преломляющееся через перевод, находит отражение на различных уровнях, а именно, в семиотике, семантике и прагматике текста. Нами рассмотрены три важнейших аспекта: репрезентация явлений духовной жизни, социальной сферы, а также предметного мира в тексте-посреднике и тексте-рецепторе. Модели, предлагаемые в данной работе, представляют собой попытку обобщения специфики посреднической функции русского языка, а также способствуют изучению языковых ситуаций, определяющих особенности функционирования русского языка в Казахстане и процессов в сфере перевода.

Дальнейшие перспективы исследований в сфере непрямого перевода с английского на казахский язык через русский заключаются в выявлении расхождений между текстом-оригиналом, текстом-посредником и текстом-рецептором, а также в рассмотрении непрямого перевода с казахского языка на английский через русский язык.

Список литературы / References

1. Brodie, G. (2018). Indirect Translation on the London Stage: Terminology and (In)Visibility. *Translation Studies*, 11(3), 333–348. <https://doi.org/10.1080/14781700.2018.1447990>
2. Dmitryuk, S. (2000). *Language and Ethno-cultural Settings in Kazakhstan*. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira: Sb. nauch. st., Ufimtseva N.V.* Moscow: In-t yazykoznaniiya. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-6.html (accessed: 15.10. 2023). (In Russ.).

- Дмитрюк С.В. Языковая и этнокультурная ситуация в Казахстане // Языковое сознание и образ мира: Сб. науч. ст. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания, 2000. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-6.html (дата обращения: 15.10.2023).
3. Suleimenova, E. (2011). Kazakh Language Vitality and Language Planning. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, 2(132), 7–13. (In Russ.).
Сулейменова Э.Д. Витальность казахского языка и языковое планирование // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2011. № 2(132). С. 7–13.
 4. Nida, E. (1964). Principles of Correspondence. In: Venuti, L. (Ed.) *The Translation Studies Reader* (pp. 126–140). London: Routledge.
 5. Venuti, L. (2005). Local Contingencies: Translation and National Identities. In: *Nation, Language, and the Ethics of Translation*, S. Bermann and M. Wood (eds.) (pp. 177–202). Princeton: Princeton University Press.
 6. Toury, G. (1980). *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv University publ.
 7. Even-Zohar, I. (1990). Polysystem Theory. *Poetics Today*, 11(1), 9–26.
 8. Shuttleworth, M., & Cowie, M. (2014). *Dictionary of Translation Studies*. Routledge.
 9. Gutt, E. (1991). *Translation and Relevance*. Oxford: Basil Blackwell.
 10. Hadley, J. (2014). Chaucer Abducted — Examining the Conception of Translation behind the Canterbury Tales. *New Voices in Translation Studies*, 1, 1–24.
 11. Ivaska, I., & Ivaska, L. (2022). Source language classification of indirect translations. *Target. International Journal of Translation Studies*, 34(3), 370–394. <https://doi.org/10.1075/target.00006.iva> EDN: DZUWRJ
 12. Aixelá, J. (1996). Culture-Specific Items in Translation. In: R. Alvarez and C.-A. Vidal (eds.), *Translation, Power, Subversion* (pp. 52–78). Clevedon: Multilingual Matters LTD.
 13. Chesterman, A. (1998). Causes, Translations, Effect. *Target*, 10(2), 201–230.
 14. Li, W. (2017). The Complexity of Indirect Translation. Reflections on the Chinese Translation and Reception of H.C. Andersen's Tales. *Orbis Litterarum*, 72(3), 181–208. <https://doi.org/10.1111/oli.12148>
 15. Garbovskii, N.K. (2007). *Theory of Translation*. Moscow: MGU publ. (In Russ.). EDN: UUJKUZ
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд-во МГУ, 2007. EDN: UUJKUZ
 16. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2017). *Translingualism and Revitalization of Culture*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 57–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63> EDN: YFUBNV
Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63> EDN: YFUBNV
 17. Boase-Beier, J. (2014). *Stylistic Approaches to Translation*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315759456>

Сведения об авторах:

Мирзоева Лейла Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкового образования, Университет им. Сулеймана Демиреля (040900, Республика Казахстан, г. Каскелен, ул. Абылай хана, д. 1/1); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория перевода; *e-mail*: leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz
ORCID: 0000-0003-4174-9897.

Жумабекова Айгуль Казкеновна, доктор филологических наук, профессор кафедры точных языков и перевода, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, проспект Достык, д. 13); *сфера научных*

интересов: лингвокультурология, теория перевода; *e-mail:* aigzhum@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4457-2687.

Досмаханова Райкуль Амандыковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков, Алматинский университет энергетики и связи им. Гумарбека Даукеева (050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, д. 126/1); *сфера научных интересов:* лингвокультурология, теория перевода; *e-mail:* dosmakhanova@mail.ru
ORCID: 0009-0003-9011-6938.

Ажиев Канат Омирзакович, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского и русского языков, Алматинский университет энергетики и связи им. Гумарбека Даукеева (050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Байтурсынулы, д. 126/1); *сфера научных интересов:* лингвокультурология, теория перевода; *e-mail:* azhievk@mail.ru
ORCID: 0009-0001-3958-4635.

Information about the authors:

Leila Yu. Mirzoyeva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Language Education, Suleyman Demirel University, (1/1, Abilay Khan Str., Kakselen, the Republic of Kazakhstan, 040900); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz
ORCID: 0000-0003-4174-9897.

Aigul K. Zhumabekova, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Oriental Languages and Translation, Kazakh National Pedagogical University named after Abai (13, Dostyk Ave, Almaty, the Republic of Kazakhstan, 050010); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* aigzhum@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4457-2687.

Raikul A. Dosmakhanova, PhD in Philology, Associate Professor the Department of Kazakh and Russian, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after Gumarbek Daukeev (126/1, Baytursynuli Str., Almaty, the Republic of Kazakhstan, 0500130); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* dosmakhanova@mail.ru
ORCID: 0009-0003-9011-6938.

Kanat O. Azhiev, PhD in Philology, Associate Professor the Department of Kazakh and Russian, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications named after Gumarbek Daukeev (126/1, Baytursynuli Str., Almaty, the Republic of Kazakhstan, 0500130); *Research interests:* linguoculturology, theory of translation; *e-mail:* azhievk@mail.ru
ORCID: 0009-0001-3958-4635.